

A. B. Ерышов

Архаические мотивы в визуализированных китайских благопожеланиях

Рассматривается наличие в традиционных китайских благопожеланиях архаических мотивов, восходящих к неолитическим культурам Китая. Определен ряд благопожелательных формул, образованных на базе древнего пиктографического знака «десять тысяч лет», получивших распространение в эпоху Восточная Чжоу (770–221 гг. до н. э.). Выявляются способы визуализации данных благопожеланий в традиционной китайской живописи. Отмечается, что благопожелательная формула «до седых бровей десять тысяч лет» в контексте гомофонии китайского языка или принципа созвучий (се инь, 谐音), как правило, визуализируется посредством комбинации изображений сливы мэй (梅) и птицы райская мухоловка (шоудайнюо, 缙带鸟). Данные образы в традиционной китайской живописи часто направлены на прославление универсального женского начала и материнства. Живописные свитки с изображениями сливы и птицы также использовались в качестве декора помещений, где чествовались старейшие и уважаемые женщины кланов и семейств.

Ключевые слова: архаический мотив, визуализация, благопожелательный лозунг, традиционная китайская живопись, апотропеическая семантика, принцип созвучий, панегирик, универсальное женское начало.

A. Eryshov

Archaic Motifs in Visualized Chinese Auspicious Wishes

This article examines the presence of archaic motifs in traditional Chinese auspicious verses, dating back to the Neolithic cultures of China. It identifies a number of auspicious formulas based on the ancient pictographic sign for "ten thousand years", which became widespread during the Eastern Zhou Dynasty (770–221 BC). The author identifies ways of visualizing these auspicious verses in traditional Chinese painting and notes that the auspicious formula "ten thousand years until gray eyebrows" in the context of the homophony of the Chinese language or the principle of consonance (xie yin, 谐音) is typically visualized through a combination of images of the mei plum (梅) and the paradise flycatcher (shoudainiao, 缙带鸟). These images in traditional Chinese painting often glorify the universal feminine principle and motherhood. Painting scrolls depicting plum blossoms and birds were also used to decorate rooms where the oldest and most respected women of clans and families were honored.

Keywords: archaic motif, visualization, auspicious slogan, traditional Chinese painting, apotropaic semantics, principle of consonance, panegyric, universal feminine principle.

В Китае благопожелательный символизм носит эволюционный характер, то есть целые образные ряды неолитической культуры вошли

в разнообразные представления и концепции последующих эпох. На связь благопожелательной символики с «седой древностью» указывает М. Е. Кравцова, представившая в работе целостную картину истории развития китайского искусства (от неополитической эпохи до начала XX в.) [1, с. 98]. Л. И. Кузьменко в работе «Искусство Китая» утверждает, что в Китае уже в 1-м тысячелетии до н. э. сложилась развитая универсальная система символических образов, которая опиралась на дуалистическое миропонимание и постулировала вселенскую гармонию [2, с. 120].

Цель статьи – подтвердить наличие в китайских визуализированных благопожеланиях определенных мотивов, берущих начало в архайических и древних формах китайского искусства.

Традиция использования большого числа благопожелательных лозунгов или императивов представляется как ярко выраженное проявление изощренных навыков социальной коммуникации жителей Поднебесной, что свидетельствует о присутствии в «культурном коде» китайского народа очевидного положительного жизнеутверждающего и миролюбивого начала. Следует признать, что наличие в культурном пространстве Китая такого феномена, как иероглифическое письмо, позволило народу этой страны на протяжении нескольких тысячелетий в условиях повторяющихся иноземных вторжений и спорадических расколов империи сохранять и поддерживать непрерывную культурную идентичность и преемственность. При этом пиктография традиционной китайской письменности не только обеспечивала стабильное воспроизведение «культурного кода» в границах китайского социума, но и способствовала распространению знаний о культуре Поднебесной далеко за ее пределами.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на самую древнюю группу китайских иероглифов, среди которых встречаются знаки, отмеченные очевидной апотропеической, или обережной, семантикой. Таковым, например, мы считаем иероглифический знак «десять тысяч» (вàn, 萬). Данный иероглиф на протяжении так называемого императорского периода истории Китая демонстрировался как атрибут, нумерологическая эмблема и прерогатива власти Сына Неба. Пиктография этого знака в эпоху Шан (商代) представляет собой изображение зооморфного существа с яйцевидным или ромбовидным телом, к которому прикреплены две конечности в форме клешней, выдвинутых вперед, и длинным закрученным или спиралевидным хвостом. Большинство китайских исследователей пиктографической письменности эпохи Шан склоняются к мнению, что визуализацией числительного «девять тысяч» стало изображение скорпиона, которое встречается и на артефактах китайской неолитической культуры Яншо (仰韶, 4000–3000 до н. э.), существовавшей в верхнем течении реки Хуанхэ, на территории современных провинций Ганьсу, Цинхай и Сычуань. Например, на террако-

товом сосуде в форме бутыли с узким горлышком черным сажевым пигментом нанесено изображение существа со змеевидным телом-головой, двумя конечностями и длинным хвостом, концом которого «тварь» жалит себя в голову. Подобное изображение напоминает нам о распространном суеверии, согласно которому скорпион, угодивший в огненное кольцо, начинает жалить себя в приступе отчаяния (рис. 1). Архаические изображения скорпиона до того, как они обрели нумерологическое значение «десять тысяч», использовались в качестве амбивалентных обережных знаков, то есть представляясь опасными, они отпугивали силы зла или деструкции и тем самым способствовали гармонизации универсума, что в свою очередь позволяло демонстрировать эти изображения как визуализированные знаки порядка, власти или вечности. Таким образом, иероглифический знак «десять тысяч» благодаря наличию определенной апотропейической составляющей становится «стержнем» благопожелательного императива [3, с. 26].

Рис. 1. Китайская неолитическая культура Яншо (仰韶).
Терракотовая фляга с двумя ручками и изображением скорпиона.
38,4x7x12. КНР. Государственный музей Ганьсу

Самые древние благопожелательные формулы, образованные на базе иероглифа «десять тысяч», появились в первой половине эпохи Восточная Чжоу, в период китайской истории, соответствующий летописи Чуньцю «Вёсны и Осени». Они представляют собой элементы вотивных надписей на ритуальных бронзовых сосудах, найденных в погребениях царей и родовой знати. Подобный благопожелательный императив, сформированный вокруг иероглифа «десять тысяч», обна-

ружен на днище бронзового сосуда для омовения рук (*и*, 𩫑), найденного в провинции Шаньдун в захоронении «управителя» царства Лу (鲁司) в 1978 г. Благопожелание состоит из четырех иероглифов и является частью фразы: «Пусть этим драгоценным умывальником вечно до седых бровей десять тысяч лет пользуются наши потомки!» (其万年眉寿子孙永宝用享). Похожий благопожелательный императив «до седых бровей десять тысяч лет» (眉寿万年) обнаружен на поверхности бронзового винного сосуда (*ху*, 壺), найденного в провинции Шаньдун в 1963 г. [5, р. 100]. Предположительно, это благопожелание было заимствовано из древнекитайского письменного памятника «Церемонии и предписания» («Или», 仪礼), из раздела «Предписания по головным уборам чиновников» («Шигуань ли», 士冠礼), в котором записаны следующие благопожелательные императивы: «до седых бровей десять тысяч лет, вечное счастье пока растет борода» (眉寿万年永受胡福) [6, р. 196]. Древние китайцы считали наличие бороды как знак наступившей зрелости и обретения солидного положения, а длинные седые брови как проявление почтенной старости и мудрости. Например, в «Книге песен» («Шицзин», 诗经), в разделе «Скромное времяпрепровождение» («Юфэн», 幽风) помещен следующий стих: «Вкушаем это весеннее вино и чествуем тех, у кого седые брови» (为此春酒以介眉寿) [7, р. 123].

Таким образом, мы видим, что в эпоху Восточная Чжоу были заложены основы китайской традиции применения благопожелательных императивов и оформлена их характерная «конструкция». Благопожелания записывались четырьмя знаками, сгруппированными в две самостоятельные пары, при этом одна пара знаков могла выступать как доминирующая и содержала в себе иероглиф с апотропеической семантикой.

По мере упрощения структуры древних иероглифических знаков и утери ими пиктографических характеристик, благопожелательные императивы китайского языка начинают оформляться посредством специально подобранных изображений в контексте принципа созвучий *се инь* или гомофонии китайского языка. Думается, что потребность визуализировать благопожелательные императивы стимулировала развитие многих жанров традиционной китайской живописи.

Древний благопожелательный императив «до седых бровей десять тысяч лет», или *мэйшоу ваньнянь*, был востребован всеми последующими эпохами. Его визуализацию мы видим, например, в образном ряде живописного свитка «Цветы сливы и райская мухоловка» («Мэйхуа шоудайняо ту», 梅花绶带鸟图) художника династии Цин Чэнь Цюаня (沉铨, 1682–1760) (рис. 2). В живописном произведении Чэнь Цюань попытался воспроизвести стилистику и настроение знаменитого художника эпохи Пяти династий и Северной Сун Хуан Цюаня (黄筌, 903–965) [4, р. 198]. Свиток условно разделен на две равновеликие части, при этом его левая часть свободна от изображений и представляет покрытое дымкой

пространство, а правую часть занимает испещренный дуплами и ранениями ствол старого слинового дерева, которое имеет ломанную зигзагообразную «драконью» форму. Несмотря на явную древность, дерево сливы охвачено пышным цветением, и ветви, усыпанные благородными соцветьями и бутонами, устремляются к небу. В контексте гомофонии китайского языка слива мэй (梅) понимается как брови мэй (眉), то есть поседевшие и косматые брови благородного старца. В верхней части дерева, ближе к стволу, сидит необычная эффектная птица с короной-холком и очень длинным свисающим хвостом-шлейфом, под ней птица более скромного вида, очевидно, самка. Сказочному облику птицы соответствует ее название «райская мухоловка» (обитает в Китае и называется «птицей со шлейфом» (*шоудайняо*, 缪带鸟). В соответствии с гомофонией китайского языка, слово «шлейф», или «лента» *шоу*, вступает в созвучие с благопожелательным словом «долголетие» *шоу* (寿) и, таким образом, посредством изображений сливы мэй и птицы шоу осуществляется визуализация благопожелания «брови долголетия» или «седые брови». Это только половина древнего благопожелательного императива «до седых бровей десять тысяч лет». Выражение «десять тысяч лет» в данном произведении Чэнь Цюаня не имеет явной визуализации, его присутствие предполагается. Возможно, в старом Китае в обычном не «монархическом» живописном произведении жанра «цветы и птицы» оно не изображается.

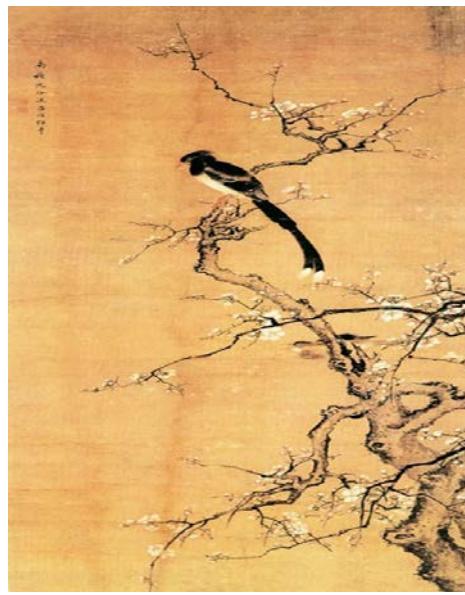

Рис. 2. Чэнь Цюань (沉铨). Жывопись на шелке «Цветы сливы и райская мухоловка». 131x58. КНР. Государственный музей Нанкина

Похожее «сокращение» благопожелательной формулы «до седых бровей десять тысяч лет» в процессе визуализации императива мы наблюдаем и в живописном свитке «Слива» известного каллиграфа конца династии Цин Цзэн Си (曾熙, 1861–1930) (рис. 3). На свитке тушью изображены ветки старой сливы мэй, а каллиграфическая надпись исполнена четырьмя большими иероглифическими знаками в архаическом стиле конца династии Восточная Чжоу. Надпись представляет собой благопожелательную формулу «до седых бровей беспредельно» (眉寿无疆), которую можно понимать как «законопослушную» вариацию благопожелательного императива из обихода обычных жителей Поднебесной. Рядом с каллиграфической надписью Цзэн Си написал посвящение, в котором сообщает, что на всех без исключения ритуальных бронзовых сосудах трех древних царств (Ся, Шан и Чжоу) наличествовала надпись «до седых бровей». Далее Цзэн Си гордо заявляет, что в его семье, начиная с эпохи Сун, все получали надлежащее образование и сдавали государственные экзамены на замещение должностей для государственной службы, и что члены семейства У (все без исключения) исполняли свой долг перед государством. Он выражает гордость за свой род «столбовых» потомственных интеллектуалов (*ши*, 士), которые на протяжении веков сберегали, приумножали благородную древнюю культуру Китая. Свиток с цветами сливы Цзэн Си создал в честь юбилея своей тетушки, благородной старой госпожи Чжан (三代彝器。凡言眉寿文皆作眉。自宋以来至院。吴诸家无异义。不知眉寿三代吉语。贵寿汉人吉语。因写梅为宗姑张老夫人寿并注此)。

Рис. 3. Цзэн Си (曾熙). Живопись на шелке «Слива». КНР. Из частной коллекции

Таким образом, содержание этого живописного свитка «цветы и птицы» представляется как дань уважения и проявление благодарности по отношению к старой женщине – хранительнице семейных традиций и устоев, которая своей жизненной силой напоминает дерево цветущей сливы.

Цзэн Си уверен, что «благородные, проникнутые благой мудростью “речения” древних и вековечные благопожелания жителей Поднебесной никогда не состарятся»¹.

Важно отметить, что визуализация одного из древнейших китайских благопожелательных императивов «до седых бровей десять тысяч лет» не осуществлялась полностью по причине того, что употребление числительного «десять тысяч» считалось абсолютной прерогативой китайского императора. Полная визуализация благопожелания была возможна при условии, если оно адресовано непосредственно Сыну Неба или родителям императора. Так, например, император Цяньлун лично исполнил в 1754 г. живописный свиток «Новогодняя аудиенция» («Суэйчао ту», *岁朝图*) для своей матери, вдовствующей императрицы, по случаю празднования при дворе Нового года и ее 63-летия (рис. 4). Картина создана в стилистике монохромной интеллектуальной живописи (вэнь-жэнхуа, *文人画*), написана тушью в очень простой «эскизной» манере и представляет собой традиционную китайскую композицию, символизирующую благопожелание, т. н. «чистые подношения по случаю высочайшей аудиенции» («суэйчао цингун», *岁朝清供*). Помимо живописи, на свитке записано стихотворное посвящение (лююнь, *六韵*): «Все взирают на Запад, там, где Яшмовый пруд, все ожидают пришествия Владычицы. Мириады сущностей преисполнены радости, первые дни весны означеновались раскрытием потаенных глубин бытия. В дворцовых покоях ширмы с древними письменами о вечной жизни, в напевах цевницы стародавний лад. Соцветья орхидеи пламенеют, самоцветный полог притеняет. На картинах новогодняя суматоха и выписаны слова о счастливой доле. Благие предзнаменования привносят дух удачи, промысел Неба в человеческом сердце. Скромно и почтительно подношу этот свиток цингун и песню моей августейшей матушке по случаю высочайшего Дня рождения и в ознаменование наступившего Нового года Цзясяу» (西望瑤池近, 群迎王母临。欢同万方养, 春始九重深。屏缀延年篆, 笙调太簇音。九华兰作焰, 百宝雾成阴。入画元朝庆, 征诗吉字吟。瑞囊飘喜气, 天意即人心。甲戌新正, 恭侍圣母皇太后宴敬成六韵并写岁朝图用申庆祝)².

^{1;2} Перевод каллиграфических надписей на свитках выполнен А. В. Ерышовым.

Рис. 4. Император Цяньлун (乾隆). Живопись на шелке «Новогодняя аудиенция». Пекин. Музей Гугун

В этом стихотворном посвящении император Цяньлун как пре-данный сын исполняет дифирамб в честь государыни и уподобляет вдовствующую императрицу, достигшую преклонного возраста, бес-смертной владычице Запада богине Сиванму, раскрывающей глубины мироздания (начинает новый годичный цикл и пробуждает к жизни ми-риады сущностей). Цяньлун изображения *сүэчхао цингун* размещает по горизонтали в нижней части свитка. В центре композиции представле-на низкая яшмовая чаша, расположенная на круглом резном пьедестале с четырьмя фигурными ножками, которая понимается как «яшмовый пруд Яочи» богини Сиванму, и, возможно, символизирует материнское лоно. В чаше лежит ветка, усеянная ягодами, которая, как нам кажется, изображает растение нандину или «бамбук южных небес» (南天竹), об-раз которого символизирует «кущи страны небожителей». Травянистое растение с длинными сочными листьями в форме заячьих ушей и стеблем-стрелкой, покрытым ягодами, напоминает родею («зеленеющая де-сять тысяч лет», 万年青). В эпоху Цин популярностью пользовалось изображение растения *ваньняньцин* по причине созвучия иероглифов *цин* «зеленый» и *цин* «чистый», используемых для обозначения дина-стии. Название *ваньняньцин* может быть истолковано в «проманьчжур-ском» духе как благопожелательный императив «десять тысяч лет дому Цин» и как здравица в честь самой почитаемой женщины император-

скога семейства. Слева от яшмовой чаши рисунок ветви цветущей сливы мэй, который вместе с родеей *ванъяньцин* составляет визуализированный благопожелательный императив «до седых бровей десять тысяч лет». Изображения плодов хурмы, или персимона (*ши, 柿*), и луковицы лилии (*байхэ, 百合*), мягко изогнутого резного нефритового жезла «исполнения желаний» (*жуи, 如意*) в форме гриба бессмертия (*линижи, 灵芝*) образуют еще один визуализированный благопожелательный императив «да исполняются Ваши помыслы о ста желаемых вещах» (*байши жуи, 百事如意*), при этом луковица лилии визуализирует понятие «сто», хурма в контексте гомофонии китайского языка – «вещь», а жезл – «в соответствии с Вашими мечтаниями». В целом содержание стихотворного посвящения, написанного императором Цяньлуном, и образный строй созданного им живописного свитка *суэйчао цингун* можно толковать как панегирик в честь универсального женского начала и прославление материнства.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что традиция создания благопожелательных императивов в Китае восходит к архаической эпохе существования китайской цивилизации. Изначально стержнем благопожелательной формулы являлись пиктографические знаки с обережной апотропейской семантикой, которые объединялись в пары, а к концу периода Восточной Чжоу эти пары образовали группы, состоящие из четырех иероглифов. По мере упрощения пиктографических знаков и приближения их к подобию современных иероглифов благопожелательная «наглядность» знаков терялась и возникла необходимость «второй волны» их визуализации, что привело к появлению определенных живописных жанров, в которых эта благопожелательная направленность могла проявиться в полной мере. Такими жанрами, по нашему мнению, стали живопись «цветы и птицы», «новогодние картины» и др. Следует отметить, что визуализированный через изображение цветущей сливы мэй древнейший благопожелательный императив «до седых бровей десять тысяч лет» стал толковаться как проявление любви и уважения по отношению к пожилым женщинам, родоначальницам, хранительницам народной мудрости, устоев и традиций семьи.

1. Кравцова, М. Е. История искусства Китая : учеб. пособие / М. Е. Кравцова. – СПб. [и др.] : Лань : Триада, 2004. – 960 с. – (Мировая художественная культура).
2. Кузьменко, Л. И. Искусство Китая. Путеводитель по постоянной экспозиции / Л. И. Кузьменко ; отв. ред. А. В. Седов. – М. : Государственный музей Востока, 2013. – 138 с.
3. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Наука, 1984. – 246 с.
4. The Horizon Book of the Arts of China / ed. Thomas Froncek. – New York : American Heritage Publishing Company, 1969. – 383 p.

Тэорыя і гісторыя мастацтва

5. 黄河文明展. 东京: 中日新闻社, 1986. – 202 p. = Выставка «Цивилизация реки Хуанхэ». – Токио : Токио Симбун, 1986. – 202 с.

6. 仪礼. 上海: 上海古籍出版社, 2016. – 200 p. = Церемонии и предписания. – Шанхай : Изд-во «Древние книги», 2016. – 200 с.

7. 诗经. 济南: 山东人民出版社, 2021. – 406 p. = Книга песен. – Цзинань : Шаньдунское нар. изд-во, 2021. – 406 с.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 11.03.2025.